

Шейх Нафзави

Услаждающий сад

18+

Игорь Николенко

Услаждающий сад

«Автор»
2026

Николенко И.

Услаждающий сад / И. Николенко — «Автор», 2026

«Сад услаждений» написан в XV веке арабским учёным Шейхом Нафзави. Этот эротический трактат, обнаруженный в Алжире в 19-м столетии, выдержал десятки переизданий на многих языках мира. В частности, до английского читателя он дошёл с лёгкой руки знаменитого исследователя, поэта и путешественника Р. Бэртона (1821—1890). Как «Камасутра» и другие подобные сочинения, книга является гендерным памятником Средневековья.

© Николенко И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 24

Игорь Николенко
Услаждающий сад

Шейх Нафзави Shaykh Nafzawi.
The Perfumed Garden Услаждающий сад

«Услаждающий сад» есть тысяча и одна ночь страсти,
труд, сочинённый шейхом ан-Нафзави по просьбе тунисского бея Абд аль-Азиза.
Это гимн чувственных наслаждений, апофеоз экстаза,
кладезь изысканных эротических знаний,
свод похождений древних любовников.
«Услаждающий сад» — перл старой арабской литературы,
преподносимый ныне ценителям
нежных чувств, исторических авантюр и эроса.
«Услаждающий сад» та книга, кою напутствовал Мопассан.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Копия манускрипта на арабском языке под названием «Al Raud al atir wa nuzhat al Khatir»[1] была найдена незадолго до 1850 года в Алжире неким «бароном P***», офицером французской колониальной армии. Это и был предлагаемый ныне читателю «Услаждающий сад». Первое, факсимильное, так называемое «оригинальное издание», числом в 35 экземпляров, позволяющее по некоторым признакам судить, что оно выполнено в Алжире около 1876 года, и — одновременно — первый (французский) перевод «Сада…» был титулован «Le jardin parfume («Al-raud al-atir») Par le Sidi Mohammed el-Nafzaoi; Ouvrage du Cheikh, I'lman, le Savant, le trés-Erudit, le trés Intelligent, le trés-Véridiqe Sidi Mohammed el-Nafzaoui que Dieu trés-Elevé lui fasse Miséricorde par sa Puissance. Amen. Traduit de I'Arabe par Monsieur le Baron R***, Capitaine d'Etat major». В этом первом «оригинальном издании» 283 страницы главного текста, 15 — предисловия, 2 страницы портретов, 13 страниц дополнительных текстов и 43 эротические иллюстрации.

В 1885 году в Париже оригинальное литографическое издание было, весьма искусно, подделано; фальшивка с трудом отличалась от оригинала. Интересно, что в августе предыдущего года Мопассан в письме издателю предлагал напечатать якобы найденный им перевод средневекового арабского эротического трактата. Было ли это письмо адресовано собственному издателю новеллиста или же Исидору Лизэ — книгопечатнику и учёному, собирателю редкостей — неизвестно. Но в 1886 году последний, уже типографским способом, отпечатал отредактированных и откорректированных 220 экземпляров «Сада…». Титульный лист гласил: «Le jardin parfume du cheikh nefzaoui: Manuel d'Erotologie Arabe: XVI Siécle. Traduction revue et corrigé. Paris, Isidore Liseux, 1886». Версия 1886 года была перепечатана в 1904 году без упоминания имени и без ведома умершего за десять лет до того Исидора Лизэ. Последующие великолепные многотиражные перепечатки увидели свет в Париже в серии «Мэтры любви», издаваемой «Библиотекой редкостей», в 1911 и в 1922 годах. Выходил «Сад…» ограниченным тиражом во Франции и в дальнейшем.

Отредактированная Лизэ версия французского оригинала 1850 года привлекла внимание знаменитого путешественника и исследователя, автора «Арабских ночей» Ричарда Бэр-

[1] Транслитерация, присущая арабскому языку, позволила «Словарю афродистики» (Wedeck. Dictionary of Aphrodisiacs. Philosophical Library, New York, 1960) дать такое название «Сада…»: «Er Roud El Aater P'nezaha El Khater», что можно перевести как «Благоухающий Сад, Радость сердцу Мужчины», и, кроме этого, «Полный Сад Ароматов для услажденья Душ».

тона (1821 — 1890). В рамках организованного им Общества «Кама Шастра», целью которого было ознакомление европейцев с классической эротической литературой Востока, были, одно за другим, опубликованы переводы «Кама Сутры», «Ананга Ранги», «Благоухающего Сада», «Бахаристана» и «Гулистана». Второе английское издание «Сада…» последовало в том же 1886 году в виде тома в белоснежном пергаменте с золотом: «The perfumed garden of the cheikh ne-fzaoui: A Manual of Arabian Erotology (XVI Century): Revised and Corrected Translation. Cosmopoli: MDCCCLXXXVI: for the Kama Shastra Society of London and Benares, and for Private circulation only. (Pagination xvi + 256)». После того как в 1888 году начался выпуск шестнадцати томов «Арабских ночей», Бэртон приступил к новому переводу «Сада…», уже непосредственно с арабского манускрипта, подвигнутый желанием более полно представить этот средневековый памятник эротической мысли, поскольку в письме Мопассана упоминалось, что первый французский переводчик «не осмелился перевести главу, касающуюся распространённого зла в той стране, — а именно „Педерастия“». Но смерть автора оставила намерение неосуществлённым, и труд в полном его виде оказался незавершённым, хотя для Бэртона он значил многое, если не всё. Автор давал понять друзьям, что эта книга — его magnum opus: «Я вложил мою жизнь и кровь в этот „Сад ароматов“, и питаю надежду, что останусь жить благодаря ему. Это венец моей жизни». Жена Бэртона уничтожила незаконченный перевод, исходя из собственных представлений морали. В конце XIX века Чарльз Каррингтон попытался завершить дело, начатое Р. Бэртоном, основываясь на добытой им «абсолютно уникальной» и полной арабской версии, но тоже не завершил предприятие, так что предшествующая работа стала основой для многочисленных переизданий — неряшливых, низкопробных, дешёвых перепечаток на всех основных языках. Только последние десятилетия нашего века явили ряд качественных и корректных, следующих первой публикации образцов.

Необходимо сказать и об авторе книги. Шейх Нафзави, известный только и в связи со своим творением, по всей видимости, был широко образованным человеком, весьма эрудированным и имевшим значительные познания в литературе и медицине. Несмотря на тот факт, что Р. Бэртон, вслед за Лизэ, относил время создания книги к XVI столетию, изыскания современной поры позволяют считать таковым годы между 1394-м и 1433-м, к которым, следовательно, относится и творческий период жизни творца. Судя по имени (арабы имели обыкновение приставлять имя места рождения к своему) автор был родом из города Нефзава, что на юге средневекового королевства Тунис. И вполне вероятно, что книга написана там же. Известно, что бей (или правитель) Туниса, прознав про одарённого автора, велел возложить на него обязанности судьи (кади), хотя тот не желал посвящать себя бюрократическому служению. Чтобы не вызвать обиды владыки, шейх, занятый написанием «Сада…», выпросил отсрочку.

Вот немногие сведения о творце и книге, благодаря коей Шейх Нефзави стал бессмертным.

Настоящий, адаптированный для русскоязычного читателя перевод этого памятника средневековой арабской литературы (с исключением главы о педерастии) выполнен на основе оригинального издания Общества «Кама Шастра» 1886 года под редакцией Р. Бэртона. Откровенность материала потребовала специального стилистического языка, позволяющего о явном повествовать завуалировано, что в ладу с ожиданиями деликатности, скромности и любознательности. В тексте использовались цитаты из Корана.

ОБЩИЕ МЫСЛИ

Слава Аллаху, испоместившему наслаждение для мужчин в естественных формах женщин и предназначившему их уд дарить благодать последним[2]. Он не позволил женским ваги-

[2] Этот период в арабском манускрипте, частично переведённом Каррингтоном, звучит так: «Книга, названная Благоуха-

нам ведать блаженства, покамест уд не пронзит их; но и мужской уд тоже не знает сна и покоя, покуда не скроется в плоти женской.

Действо взаимно. В паре устраивается бой, вид схватки. В ходе активности нижних сфер животов наступает экстаз. Муж действует, словно пестиком, а жена вторит нежными сладострастными сдвигами, достигая сим выбросов. Целование свежих губ умножит радость соития.

О, Аллах Милосерднейший! Он украсил грудь жён сосцами, и одарил двойным подбородком[3], и их ланитам придал брильянтовый соблазнительный цвет!

Он дал им пылкие очи, льющие свет любви, ресницы, что вроде сабель колющих! Дал округлое и широкое лоно, дивный пупок, желанные ягодицы — и чудеса взнёс бёдрами! Меж последними поместил Он поле сражения: и когда оно пышно собственной плотью — схоже с гривою льва! Зовётся это вагиной… О, сколько тел мужских подле врат её! Средь мужей тех сколько героев!

Вещь сию наш Аллах снабдил языком, губами, так что походит на отпечаток следа газели в знойной пустыне. И прозорливость Его устроила, что сия совокупность вся на колоннах, что не короткие, но при этом не длинные; и они привлекают икрами, бёдрами и лодыжками, на которых кольца либо браслеты из драгоценных камней и золота!

Всемогущий поверг жён в море восторгов и восхищений; Он облачил их в блеск одеяний и наделил прельстительными улыбками!

И да будет позволено восхвалить и воспеть Создателя, сотворившего женщину в её прелести, и желанную плоть её; одарившего женщину, не скупясь, власами, станом, грудями, кои округлы, также стезями пылкой любви, что сулят блаженство! Светоч Вселенной дал ей владычить царством соблазна. Властные и дрянные, слабые и могучие алчут близости женщин, из-за которых странствуют и взыскуют, дружат или враждуют.

Боль тех, кто любит, но кто вдали от милых, нудит нас мучиться от любви; такой человек как в рабстве; он изнеможен пламенной страстью. Вот плод стремлений пары быть вместе.

Данник Аллаха, благодарю Его, что никто не удержится от влечения к женщине, не избегнет склонности обладать вагиной ни в переменах, ни даже бегством или разлукой.

Я утверждаю: есть лишь один Бог, Кой не имеет лиц и подобий. И да пребуду в сём убеждении вплоть по Судный Час, по Кия́мат. Я подтверждаю, что́ говорю сейчас, перед нашим владыкой и господином, вестником Неба, избранным Богом светлым Пророком (милость Аллаха пусть да пребудет с ним, с его родом, с учениками и правоверными!). В благодарных молитвах я да останусь вплоть по предбудущий Судный День Земли, ужасающий миг!

ИСТОКИ

Труд сей был начат следом за книгой, названной «Светоч Мира», где трактовалось таинство брака. Как-то про книгу вызнал визирь господина Абд-аль-Азиза, правящего Тунисом, коему тот визирь был другом, личным советником и придворным первым поэтом. Он был разумен и проницателен, широко образован, славился знанием очень многих наук. Моха́ммед бен Оуана аз-Зонави́, он родом был от Зонава[4]; вырос в Алжире; там господин наш Абд-аль-Азиз отыскал его. Но, когда Алжир захватили[5], оба бежали в ближний Тунис, (блеск коего да

ющий Сад Услаждения Душ, Шейха Аль-Имама Абу Абд-Аллах Ан-Нафзави — во имя Аллаха милостивого и сострадательного, да пребудут молитвы и мир с нашим владыкой и господином Мухаммедом — этот учёный шейх и имам, и великий мудрец, и достойный образчик и образованнейший Абу Абд-Аллах Мохаммед Ибн Омар Ан-Нафзави — да пребудет с ним жалость Аллаха Всевышнего, амен! — начал: Слава Аллаху, Кто заключил величайшую радость мужа в пропасти женщины и Кто вместил родник счастья женщины на навершии дрота мужа!».

[3] Полнота женщин, в частности, складки на животе, особенно привлекательна для араба.

[4] Зонава было независимым кабильским племенем, занимавшим высоты горной системы Джурджура.

[5] Речь о захвате Алжира испанцами в 1510 году, когда город обложен был данью, или турками в 1515-м. Если книга написана в более ранний период, то следует подразумевать какой-то иной факт агрессии.

хранит Аллах до последних дней — дней Суда и Возмездия!). И в Тунисе славный Моха́ммед бен Оуана аз-Зонави́ стал славным знатным визирем.

Раз он послал за мной с настоятельной просьбой быть к нему. Я был принят им с почестью. Дни спустя он, придя ко мне, предъявил мне мой труд, сказав: «Эта книга твоя, признай». Углядевши стеснённость, он произнёс: «Мой друг, то, что ты написал, не лживо, не оскорбит людей. Ты не первый, кто рассуждал об этом. Ради Аллаха, книгу стоит прочесть для пользы. Лгун и враг всякой честной науки, кто не прочтёт её или будет книгой гнушаться. Правда, есть вещи, кои не приняты во внимание». Я спросил, о каких вещах речь. «Полезно, дабы ты внёс в твой труд дополнение, рассмотрел бы, что́ не рассматривал, и добавил детали пренебрежённые, тем не менее к теме близкие. Расскажи о позывах к действам соития и о том, что мешает им. И поведай, как увеличить, скажем, размеры до мер отменных; и расскажи о средствах, что изгоняют смрад подмышек либо зловоние женских форм и органов, что касаются их. Потом опиши беременность, дабы книга стала законченной. И тогда, если труд твой всё растолкует и прояснит проблемы, мы назовём его совершенным».

И я осмелился отвечать визирю: «О, господин мой! Пусть так и будет!» И я продолжил труд с верой в помощь мне от Аллаха (будет Он щедр к Пророку! Да ниспошлёт Он счастье всем правоверным, преданным Светочу!).

Я назвал сей труд «Услаждающий сад».

Пускай Аллах образует всё к лучшему (и нет Бога, кроме Аллаха! Ду́рны проступки против Аллаха!), дабы Он вёл нас тропами правды. Ибо путь жизни, славы и блага лишь у Аллаха у Всемогущего!

В книге двадцать одна глава, соответственно темам; так будет легче в поисках нужного. Ибо в каждой главе говорится различное: например, в книге есть медицинская тема, тема о кознях, хитростях женских и ухищрениях.

ГЛАВА I

О достойных мужчинах

Знай, визирь (пусть Аллах будет милостив к твоим доблестям!), средь мужчин есть достойные похвалы, но равно есть презренные.

Коль достойный муж подле дамы, уд его исполняется бодрости, и твердеет, и не торопится извергать вовне; наконец, после трепета, что родит излияние, уд его укрепляется.

Муж такой дорог женщинам, ведь те любят соитие. Уд поэтому должен быть размерным. Муж сей осанист, уравновешен, с волей железной; он контролирует возбуждение, но и выбросы семени; уд его достигает донья колодца и заполняет ёмкость колодца. Вот какой нужен жёнам. Ибо поэт заметил:

Слушал я их, счислявших
свойства лучшего мужа:
статность, силу, пригожесть,
долгое совокупленье,
медленный ход к финалу,
истовость над сосцами,
нескоротечный выброс,
кой бы продлял блаженство.
Уд, работящий, стойкий,
пашущий глубь часами, —
вот кто любезен жёнам,

вот кто потребен вульвам.

Качества, кои дамы
ищут в мужчинах

Передают, что некогда Аль-Малик ибн Марва́н[6] посетил дом Ле́йлы[7], с коей любился; там, кроме прочего, он спросил про природу мужа, милого дамам. Ле́йла ответила:

«Господин мой! Знай, что ланиты этого мужа быть должны, как твои».

«Что ещё?» — вопросил халиф.

И она продолжала:

«Также власы его быть должны, как твои. Наконец, он во всём должен быть, как ты сам, властелин правоверных! Если мужчина слабый, не властный и не богатый, он не получит много от женщин».

О величинах

Дротик мужчины, дамам приятный и предпочтительный, наибольшей длиной должен быть в ширину где-то трёх ладоней, то есть в двенадцать, стало быть, пальцев, а наименьшею — быть в ладонь с половиной, или в шесть пальцев.

Есть люди с удом в эти двенадцать названных пальцев, что три ладони; есть — в десять пальцев, в две с половиной, в целом, ладони; есть — в восемь пальцев, две лишь ладони. Муж с меньшим удом женщин смущает.

Об ароматах и Мусайлиме

Благоуханье в пользу соитию. Женщин запах волнует; но и мужчине в близости с дамой это в отраду.

Вот что известно о Мусайли́ме[8], о лжепророке, сыне Каи́сса (пусть его проклянёт Аллах!), кой решил, что отмечен даром пророчеств; он выступал пророком Самого Первого и Последнего (благодать на Нём!), за что он и большие массы арабов, шедших с ним, стали жертвой ударов Божьей Десницы.

Сей Мусайли́ма, отпрыск Каи́сса и самозванец, перевирал Коран, и по поводу суры[9], кою посланец ангел Джибриль (благодать ему!) преподнёс Пророку (милость Аллаха с нашим Пророком!), он толковал заблудшим, что согрешали с ним: «И мне тоже ангел Джибриль дал копию этой суры».

Взять, суру «Слон»[10] трактовал он так: «В „божественном“, дескать, „сём откровении“ про слона, друзья, вижу только слона. И что́ слон? Что́ он такое? Четвероногое; у него длинный хобот, маленький хвост. Воистину, слон — творенье Кудесника, Всеблагого Аллаха!»

---

[6] Абуль-Валид Абдул-Малик ибн Марва́н аль-Умайя — халиф из рода Омейядов, правил в Дамаске (685 — 705). Его имя встречается на монетах того времени.

[7] Поэтесса, жившая при халифе ибн Марва́не. Славна любовью, которую к ней испытывал юноша и поэт Кайс ибн аль-Мулаввах (Маджнун). Отношения двух влюблённых увековечены в знаменитой поэме «Лейли́ и Меджну́н» Низами Гянджеви (1141 — 1209).

[8] Мусайли́ма (уменьшительно-иронично от Маслама́). Представитель пророческого движения в Аравии VII века и соперник Мухаммеда. Происходил из племени бану ханифа, обитавшего в земледельческой области Ямама Слыл пророком — посланником бога Рахмана ещё до начала пророческой деятельности основоположника ислама. Пал в сражении в 634 году, когда в Ямаму вторглись войска халифа Абу Бакра. В исламе считается лже-пророком.

[9] Сура — название каждой из 114 частей Корана.

[10] Эта 105-я сура Корана основана на победе Пророка над эфиопским принцем. Белый слон, на котором сидел принц, около Мекки — священного города мусульман — стал на колени. Эту победу высмеял Мусайлима; он считал, что глава повествует

Сура «Обильный»[11] тоже оспаривалась им, мнившим, что-де Аллах открыл ему самолично множество истин: «Ты одарён был Нами брильянтом, ты предпочтён из прочих, но берегись зазнаться».

Сей Мусайли́ма с помощью лжи и блефа перевирал Коран.

Он уже проповедовал, когда вызнал вдруг о Пророке (благословенье, милость Аллаха с ним!). Мусайли́ма прослышал, что, если тот клал длань на лысых, те обрастали; если отхаркивал в пруд с грязью, тот наполнялся чистой водою; если плевал в незрячее око — то прозревало; если же трогал малое чадо и говорил: «Живи сто лет»,— чадо жило сто лет и более.

Те, кто шли с Мусайли́мой, видели много чуд от Пророка и вопросили: «Знаешь Муха́ммеда и его чудеса?»

Ответ был: «Сделаю чуда бо́льшие».

Мусайли́ма был враг Аллаха: клал он ладонь на плеши — те расширялись; харкнул он в малый скудный колодец, добрый и этим, — вмиг вода стала смрадной волей Аллаха; плюнул он в плохо видящий глаз — и глаз ослеп совершенно; трогал он чадо, дескать, живи сто лет, — и дитя умирало.

Так будет с теми, чьи взоры слепы к Свету Аллаха, кто недостоин помощи Неба!

Из недостойных славилась женщина-темимитка, рода бану́-тами́м; прозывалась Саджа́х, притворялась пророчицей, а была поэтессой.

Как-то узнавши про Мусайли́му — дескать, пророка — и обладавшая сильной властью, ибо народ темимитов был многочислен, эта Саджа́х[12] сказала:

«Нет, откровения не вещаются через двух. Иль он пророк — и тогда покорюсь ему, иль пророчица я, — но тогда он пойдёт за мной».

Это было после Пророка (благословение, милость Аллаха с ним!).

И она приготовила Масламе́ послание, в каковом писала: «Не подобает двум быть пророками; пусть пророчит один. Испытаем друг друга, вместе обсудим, что открывается нам Кораном; верх возьмёт, кто пророк в самом деле».

Это письмо отдала Саджа́х для гонца, заметив:

«Следуй в Ямаму с этим письмом. Я двинусь туда же с войском».

День спустя она тронулась за гонцом.

Прочтя письмо, Мусайли́ма начал держать совет с подчинёнными, но никто не решил его затруднения. Он отчаялся, и тогда некий мудрый старейшина заявил:

«О, вождь наш! Не беспокойся. Есть путь спасти тебя».

Мусайли́ма сказал:

«Вещай! И да будут слова твои путеводными из сгустившихся сумерек».

Тот изрёк в ответ:

«Возведи шатёр из парчи и обшей изнутри шелками[13]. И размести в шатре благовония: амбру, мускус и розы, также жонкилию, гиацинты, цвет апельсина, также гвоздику, также жасмин. В кадильницах ты используй неддэ[14], юный алоэ, серую амбру. И надо входом пусть будет полог, чтоб ароматы не улетучились; пусть они пропитают даже и воду. Сядь на трон и зови

лишь о слоне, не более.

[11] По поводу 108-ой главы он сказал, что все те откровения, каковые первый стих суры приноровил к Мухаммеду, прежде были открыты только ему, дабы он выбрал лучшее.

[12] Саджа́х бинт аль-Ха́рис — в мусульманском предании лжепророчица — яркий лидер пророческого движения в Аравии VII столетия. При жизни Мухаммеда она в трансах вещала от имени «божества облаков», откровения излагала рифмованной прозой «садж» со специального возвышения минба́р; на молитвы учеников её призывал специально назначенный ей муэдзин. В 633 году темимиты пошли в Ямаму с войною и, по легенде, тамошний вождь и пророк Мусайлима вынужден был заключить с ней брачный союз. По легенде, оба пали в битве с мусульманами.

[13] У кочевых арабов имелся обычай, согласно которому муж, желающий соединиться с женою, ставил шатёр.

[14] Смесь благовоний с преобладанием амбры, в форме цилиндра, ставится в угли или же зажигается с одного из концов.

её; и вы будете с нею. Верь, ароматы гостью расслабят. Выкажи ей симпатию, и она не найдёт в себе сил противиться. Так избавишься от опасностей».

Мусайли́ма воскликнул:

«Славная выдумка! Субхана́-Ллахи! Твой совет замечателен».

Он устроил всё в точности.

И когда он почувствовал, что вода ароматами обратилась в духи, он воссел на трон и послал за пророчицей. Он беседовал с ней, беседовал… Но она, вдохнув благовония и утратив ясность сознания, вдруг смутилась и смолкла. Он догадался: женщина жаждет совокупления, — и тогда предложил:

«Пророчица! Разреши обладать тобой. Если хочешь, просто ляг на́ спину. Или стань на колени, но опустив лоб к полу и приподняв твой стан, дабы вышел треножник… Выбери позу, будешь довольна».

Та отвечала:

«Жажду по-всякому, о, Пророк Мусайли́ма!»

К ней подошедши, он услаждал её, и она наконец сказала, встав:

«Объяви моим людям, что ты желаешь взять меня в жёны».

Вышедши вслед за ним из шатра, она встретилась со своими подвластным и, и они её вопросили:

«Ну, и каков плод вашей беседы о, ты, Пророчица Величайшего?»

«Он открыл, что открыто ему, и то — истинно, — отвечала та. — Мы пойдём за ним».

Мусайли́ма к ней сватался, возжелав её в жёны, и темимиты были согласны. Спрошенный же о выкупе за жену, он молвил:

«Я избавляю вас от аль-аср (иначе, послеполуденного намаза)».

С этих пор темимиты больше не молятся в час аль-аср. Оправдываясь, вещают: «В сём виновата наша Пророчица, коя знает верный путь к правде». Те темимиты не признавали прочих пророков, как и сказал поэт:

Для нас восстала женщина-пророк;
мы шли за нею, ибо у других
пророки были сплошь мужи.

Смерть Мусайли́мы предречена была Абу Бакром[15] (будь Аллах к нему милостив!); и он пал от рук Зайда ибн аль-Хаттаба. Прочие думают, сделал это Вахши́. Лишь Аллаху известно, кто это был действительно. Сам Вахши́ говорил: «Я в неведении погубил наилучшего из героев, аль-Мутталиба[16]; после — худшайшего, Мусайли́му. Пусть Аллах мне простит одно за другое».

Смысл сих слов, что-де им был погублен лучший из лучших, в том, что Вахши́, до того как узнал ислам и Пророка, в битве при О́худе ниспровергнул Ха́мзу (пусть Аллах воздаёт ему!), а затем, восприняв ислам, он убил Мусайли́му.

Позже означенная Саджа́х, раскаявшись, приняла ислам, с позволенья Бога, и вышла замуж за одного из верных Пророку (пусть Аллах будет добр к нему!).

Вот такая история.

Муж, стяжающий благосклонность дам, — тот, кто алчет их усладить по-всякому. Он пригож; он пригожестью лучше всех вокруг; росл и статен и соразмерен. Также он искренен

[15] Абу Бакр ас-Сидди́к (572 — 634) — первый халиф, друг и ближайший сподвижник Мухаммеда, отец любимой жены Мухаммеда Айши. Сопровождал Пророка во время хиджры и скрывался с ним в пещере в окрестностях Мекки. Избранный после смерти Мухаммеда халифом (632 год), проводил политику исламизации Аравии, начал завоевание Сирии и Ирака.

[16] Речь о Ха́мзе, дяде Пророка, прозванного за верность и мужество Лев Ислама. В марте 625 года в битве при О́худе его сразил раб Вахши, выступавший на стороне меккан, а позднее ставший преданным воином мусульман.

при общении с дамами, благороден и храбр, не хвастлив и приятен в близости. Раб своим обещаниям, он всегда держит слово; что́ обещает, то он и делает.

Кто бахвалится связью с дамами — негодяй. О таком рассказ во второй главе.

Помню, некогда жил правитель Мамун[17], у которого был в фиглярах Бахлул, развлекавший принцев, дам и придворных.

Раз он пришёл к правителю.

Повелев ему сесть, аль-Мамун вопросил его:

«С чем пришёл, сын дрянной скверной женщины?»

И Бахлул отвечал:

«Я пришёл взглянуть, как живёт повелитель, пусть он пребудет непобедимым волей Аллаха!»

«Сам, шельма, как живёшь? — вопросил халиф. — Как справляешься с твоей старой женой и с новой?»

Ибо потешник, было известно, снова женился, так что имел двух жён.

«Страдаю! — тот отвечал. — Я пуще мучим невзгодами!»

Аль-Мамун предложил ему: «Опиши в стихах ситуацию, в каковую попал. Сумеешь?»

Шут кивнул утвердительно, и правитель велел рассказать стихи.

Балагур начал так:

Данник злой нищеты, страдаю
и неудачей вечной истерзан;
роком привязан к тягостным бедам.
Мне от людей лишь одни насмешки.
Бог презирает жалких паяцев!
Я оскорбляем каждым и всяким.
Я как в тисках меж нещадных пагуб.
Видно, я с жизнью скоро расстанусь.

Аль-Мамун вопросил шута:

«Ты куда собираешься?»

Тот ответил правителю:

«Собираюсь к Аллаху или к Пророку, принц правоверных!»

«Мудро, — молвил правитель. — Ищущий помощи у Аллаха и у Пророка будет в почёте. Можешь сказать в стихах о твоих супругах?»

«Да», — отвечал Бахлул.

«Так позволь же услышать то, что ты скажешь!»

Шут начал речи:

Вышло, я — меж шакалов,
кои и днём и ночью
больно меня лягают.
Я услаждаю эту —
сразу злится другая.
Как мне сбежать от фурий?!
Чаете жить вольготно —
в брак, друзья, не вступайте,

[17] Абдуллах аль-Мамун — сын халифа Харун ар-Рашида (766 — 809) династии Аббасидов. Он, одолев в борьбе за верховную власть своего брата аль-Мамина, стал правителем, почитавшим науки и добродетели.

нескольких жён не надо,
хватит одной бабёнки.
Даже одной довольно,
дабы насытить войско!

Выслушав это, славный правитель, расхохотавшись, встал с драгоценного трона и, как награду, отдал Бахлулу дивную златотканую мантию.

Предовольный шут восхвалил халифа и удалился. Он проходил как раз дом визиря великого. В это время жена его, кою звали Хамдонна[18], глянув в окно, заприметила плута и сообщила чёрной рабыне, что ей служила:

«О, Аллах и святилища Мекки! Жалкий шут в шитой золотом мантии! Как отнять её у него?»

Негритянка заметила:

«Мысль негодная!»

«Я уловкой выманю мантию!» — отвечала Хамдонна.

«Сей Бахлул изворотлив,— спорила негритянка. — Думают, что легко провести потешника, но дурачит всех он. Позабудь про затею, о, госпожа, или ты попадёшь в силки, что ему расставишь».

Хмыкнув, Хамдонна всё же решила:

«Я это сделаю!»

И послала служанку к плуту Бахлулу с просьбой зайти к ней.

«Ради Аллаха! — крикнул затейник. — Следуй ко всем, кто зовёт тебя[19]».

И направился в гости.

Там он был принят лично хозяйкой, коя сказала:

«О, Бахлул, я уверена, ты зашёл ко мне, дабы слышать, как я пою».

Он молвил:

«Истинно, ты поёшь прекрасно».

«А после песен ты будешь рад, Бахлул, угощению».

Тот кивнул в ответ.

И хозяйка запела.

И пела так она, что любой, кто слышал, мучился страстью…

Позже им были поданы яства; гость ел и пил.

Хамдонна проговорила:

«Думаю, — я не ведаю, почему, — но, думаю, ты подаришь мне мантию».

Но Бахлул отвечал:

«Увы! Я поклялся отдать вещь женщине, с коей сделаю то, чем занялся бы муж с женой».

«Ха, сможешь ли?» — был шутливый вопрос.

«Могу ли я?! — возопил он. — Я наставляю в этом искусстве всех слуг Аллаха! Я пробуждаю сладкие чувства, что дарит женщина! Я учу, как ласкать её, научаю тому, что приносит радость! Кто знает лучше дело соития, чем Бахлул?!»

Хамдонна, дочерь халифа, но и жена визиря великого, хороша была! Лёгкий стан, прелесть форм её отличали. Не было женщины, что сравнилась бы с ней в красотах! Видевших лик Хамдонны храбрых героев брали смятенность, робость и трепет; все отводили взор от Хамдонны, ибо побаивались соблазна. Столь обольстительной её создал Бог Всемогущий! Те, кто пленялся шармом Хамдонны, делались ярыми и безумными. Много смелых мужей отправля-

[18] Имя — производное от арабского корня «хамд», что означает «хвалить». Отсюда «Мухаммед», как называли Пророка, также «Ахмед» и пр.

[19] Это цитата из «Хадисов», или преданий о мудрых высказываниях Пророка.

лись свершать всевозможные подвиги, дабы только вкусить её благосклонность. Но и Бахлул избегал встреч с нею, ибо тревожился обезуметь от красоты её.

И они препирались. Он, взглянув, опускал взор долу, так как страшился, что распалится. Дама пыталась выпросить мантию — он упрямился.

«Но какая цена тебе подойдёт?» — вопросила Хамдонна.

«Лишь сочетание,— отвечал шут, — яблоко глаз моих!»

«Знаешь ты этот труд, Бахлул?» — сомневалась хозяйка.

«Ради Аллаха! — вёл он, волнуясь. — Женщины — жизнь моя! Нет того, кто познал их лучше! Знаешь ли, что мужи выбирают промысел по наклонностям и талантам: кто покупает, кто продаёт, кто правит, кто водит войско, кто пашет землю, кто пишет книги. Я посвятил себя любострастию. Я врач тех, кто возжаждал плотских соитий. Я исцеляю страждущих тягой к плотским усладам! Я напояю алчбы вагин их!»

Так говорил Бахлул, и Хамдонна внимала пламенной речи.

«Можешь прочесть стихи, подходящие случаю?» — предложила она.

«Конечно!»— он уверял.

«Позволь же услышать их».

И Бахлул пылко начал:

Нравы различны в каждом и всяком:
тот веселится, этот горюет.
Есть несчастливцы, рок их плачевен,
пусть их собратья следуют к счастью,
избраны благом либо везеньем.
Я же несходен с сими мужами.
Что мне арабы, турки и персы[20]?
Жажда соитий — вот моя вера!
Коль уд вне вульвы, я ужасаюсь,
сердце моё жжёт огнь негасимый.
Глянь-ка на уд мой, гордо взнесённый!
Он укрощает женские страсти,
двигаясь взад и вперёд меж бёдер.
Роза! Моя золотая пери!
Коль не достанет раза на пыл твой,
я повторю — и твой пыл остудим.
Нынче мы вместе; будь мягкой речью,
не уподобься ею секире.
Я приближаюсь. Что отстраняться?
Ты, вижу, жаждешь? — я водонос твой.
Алчущим взорам выстави перси
и уступи без боязни страсти.
Волей Аллаха, будет что будет.
Он преисполнил меня сим жаром,
не указавши средства иного.
И подчиняюсь я повеленьям!

[20] Идейные расхождения мусульман, подпитываемые национальными противоречиями, привели к тому, что уже в середине VIII века в исламе выделились пять основных религиозно-политических группировок: хариджиты, шииты, мутазилиты, сунниты и мурджииты. Бахлул жил к эпоху халифа Мамуна (813 — 833), пытавшегося ввести систему общего государственного вероисповедания на основе мутазилитских догматов.

Слушая, дама вдруг распалилась и возжелала уда Бахлула, что воздымался под златотканой чаемой мантией. И она говорила тихо: «Отдамся…» После шептала: «Нет, не отдамся…» Так колебалась дочерь халифа, но и жена визиря великого, между тем как внутри неё умножалась жажда услады. Грешный коварный злобный Ибли́с[21] увлажнял её… и Хамдонна уже не могла терпеть, убедив себя заключением, что пусть он и расскажет кому о связи, вряд ли поверят вралю-затейнику.

И она попросила плута снять мантию и пройти в её комнату.

Он ответил:

«Я не разденусь, коль не насыщусь, о, свет судьбы моей!»

Трепеща от желаний, дама вскочила и, снявши пояс, встала близ гостя, кой прошептал: «Я бодрствую или сплю?» За ней он вошёл в покои. Там дама села на возвышение вроде маленькой арки, и подняла одеянья с трепетом. Красота, коей Бог одарил её, оказалась перед Бахлулом.

Он видел лоно, схожее с круглым куполом, и пупок, что казался жемчужиной в белой чаше, также низ лона, кой являл драгоценный угол творения; пышность бёдер ошеломляла. Сжав Хамдонну в объятиях, шут узрел, что она в исступлении стала уд волновать, тормошить его.

И Бахлул вопросил: «Почему ты дрожишь, моя госпожа?»

«Смолкни, сын скверной женщины! — отвечала та. — О, Аллах! Уподобил меня кобыле и продолжает спрос, — но о чём, Бахлул?! Ты зажжёшь пыл в любой, даже в самой невинной и целомудренной!»

И Бахлул вопросил:

«А твой муж не такой, как я?»

«Что с того, он такой или нет? — изрекла Хамдонна. — Я распаляюсь, видя мужчину, как кобылица при жеребце. Знай, всякая распалилась бы, всё равно, ты супруг её или нет, Бахлул. Кобылица в течке только лишь циклами, между тем как меня постоянно трогает вид мужчин, их речи… Я распалилась… Поторопись, Бахлул, мужу срок возвращаться!»

Шут заявил:

«Ох! Боль в моей пояснице не позволяют быть над тобой, увы. Обратись же к позе мужчины ты, прошу. А потом я отдам тебе златотканую мантию».

Он лёг на́ спину, словно женщина. Уд вознёсся, точно колонна.

Сев на нём и взяв уд руками, снова Хамдонна вспыхнула страстью. Ибо размеры, мощь и упругость этого уда разволновали её, вскричавшую:

«Вот поруха всех дев и источник всех бед, Бахлул! Я не видела дрота лучшего!»

И она то касалась уда вагиной, то отстраняла уд, до тех пор, пока эта последняя не взмолилась немо: «О, уд, войди в меня!»

И шут вверг свой уд внутрь халифовой дочери. А она, присев, вобрала его так, что он скрылся полностью. И она изрекла:

«До чего сладострастными создал женщин Аллах! До чего они рьяны в поисках неги!»

Действуя вразнобой ягодицами, словно некаким ситом, дама подбрасывала себя вверх, вниз, слева направо, взад и вперёд и в бок — и никто не плясал, клянусь, как плясала она! Дочь халифа скакала, сидя на уде, долгое время… Но — пришло наслаждение, и тогда помпа вульвы стала захватывать уд, как чадо, тянущее грудь матери… И блаженство нахлынуло на двоих одновре́менно, и они насладились с переизбытком.

Дама, опять взяв уд, дабы плавно извлечь, признала:

«То был, скажу, Бахлул, труд усердного мужа».

---

[21] Ибли́с — дьявол, джин, сатана. Восставший против Аллаха, этот ангел низвергнут был с неба, возглавил шайтанов и джиннов и стал совращать людей.

И поднялась затем.

Встал и шут. Он хотел удалиться, только Хамдонна вдруг возмутилась:

«Дай же мне мантию!»

Он ответил:

«Ты меня потребляла и в результате жаждешь награды?»

«Но, — прозвучал ответ,— ты твердил, что не можешь быть надо мною из-за больной твоей поясницы».

«Это играет роль, но ничтожную, — заявил Бахлул. — Первый раз чисто твой, а второй — будет мой; я отдам тебе мантию и уйду».

И она улеглась, но Бахлул возразил:

«Нет, ты прежде разденься».

Дочерь халифа разоблачилась. Ошеломляли дивные формы! Шут узрел белоснежные бёдра, и колдовскую ямку пупка, и манящее лоно, круглое, точно арка, и наливные пышные груди, кои подобились гиацинтам. Шея была у неё газелья; губы — свéжи и алы, как окровавленный блёсткий меч. Зубы были как жемчуг; пухлые щёки были как розы. Смоль очей изумляла. Брови оттенка чёрного дерева идеальной округлостью походили на росчерк, сделанный каллиграфом. Полной луне в ночи уподоблю чело её!

И Бахлул, обхватив её, стал лобзать её грудь, пить прохладную влагу уст и покусывать белоснежные бёдра, так что у женщины затуманился взор, и она стонала. Он целовал ей лоно раз и другой и третий, и у неё отказали руки и ноги. Он озирал низину с пу́рпурной лилией.

Вскрикнув: «О, соблазн человека!» — шут стал ласкать её. Страсть обоих взрастала. Жадно схватив уд, дама ввела его в собственную вагину.

Он еле двигался, а она сладострастно, яростно вторила; наслаждение их объяло невероятное!

Встав, Бахлул решил удалиться.

Дочерь халифа протестовала:

«Мантию!! Ты обманщик, шут!»

Он ответил:

«Как же так? Первый раз был твоим, а второй раз — моим. Третий — будет для мантии».

Так сказав, он стянул с себя златотканую мантию и взглянул на Хамдонну, что улеглась на ложе, произнеся:

«Ох, делай, что пожелаешь!»

Он вмиг услал уд в вульву, действуя, будто что-то толок; вульва двигалась встречно; и одновре́менно оба впали в томную негу…

Встав, он ушёл, не взяв с собой златотканую мантию.

Негритянка-рабыня стала твердить Хамдонне:

«О, госпожа, всё вышло, как я сказала. Он скверный плут; он подлинный мастер пакостей. Все над ним насмехаются, но — Аллах! — торжествует лишь он, поверь!»

Но хозяйка сказала:

«Не приставай с укором. Ибо случилось, что предназначено. На дверях всякой вульвы есть имя каждого, кто в неё попадёт, законно либо обманом, силой либо любовью. Если Бахлул сей не был бы там помянут, он не вошёл бы в вульву, даже суля мне всё мироздание… И, в конце концов, верх за мной, ибо мантия у меня».

Чуть позже в дом постучали, и слуги встретили у дверей Бахлула. Не понимая, что ему нужно, дочерь халифа перепугалась и вопросила, что́ он желает. Шут ей ответил: «Дай мне воды, пожалуйста». Вмиг воды ему принесли. Шут, выпив, выронил чашу, дабы разбить её, и присел на порог у дома.

Он просидел там вплоть до прихода мужа Хамдонны, кой был визирь великий. Тот спросил: «Что ты делаешь здесь?»

«О, горе! — выложил плут. — Шагая здесь этой улицей, я почувствовал жажду. Вынесли мне воды напиться. Но чаша выскользнула из рук, разбилась, а госпожа твоя забрала у меня за разбитую чашу мантию, златотканую мантию, что халиф, наш владыка, днесь мне пожаловал».

И великий визирь подумал: «Надо вернуть ему златотканую мантию».

Появилась Хамдонна; муж уточнил, а правда ли, что она взяла мантию за разбитую чашу. Та прокричала, хлопнув в ладони:

«Что ты наделал, гнусный Бахлул?! Что сказал ты супругу, плут?! Что ты врёшь?!»

Он ответил:

«Я говорил с ним на языке моей общепризнанной глупости. Ну, а ты давай убеди его языком женской мудрости».

И она, побеждённая хитростью, отдала ему златотканую мантию.

ГЛАВА II

О достойных почёта женщинах

О, визирь (и пусть милость Аллаха будет с тобой!), знай, женщины есть достойные, а есть те, что заслуживают презрения.

Дабы муж имел удовольствие, у жены его быть должна совершенная талия, и жена его быть должна полнокровной, пухлой, здоровой. Лоб такой пусть да будет широк весьма; волос чёрен; брови черны, как негры; очи большие, чёрные и с чистейшим белком; вдобавок щёки — округлые; нос — чарующий; и прелестны должны быть также уста её; губы ало-пунцовые, ароматно дыхание; её шея длинна, крепка; её лоно пространное; её груди упругие, полновесные, в лад с её животом; а пупок отчёркнут; низ сладострастен, с вульвой приметной, свежей от мыса до ягодиц её; вульва узкая быть должна и не влажная, испускающая тепло; бёдра крепкие и широкие; руки-ноги изящные, кисти пухлые, плечи манят взор.

Всяк, увидевший лик такой притягательной женщины, очаруется; всяк умрёт от блаженств, узрев её со спины! Если будет сидеть она — то напомнит формами арку; если уляжется — то сравнится с пухом в перине; а если встанет, то уподобится древку знамени. При движении её формы плещутся под одеждами! Дама этого рода и говорит и смеётся редко, но никогда без повода; пребывает в доме супруга и не выходит — даже навстречу старым знакомым. Нет у неё подружек, дабы посплетничать; и она очень сдержанна, все секреты таит; доверенный для неё лишь муж её. Ничего, — но и ни от кого на свете, кроме как от супруга либо родителей, — эта дама не примет. Также не вмешивается в дела людей; и за ней нет вины, дабы прятать вину, нет дурных грешных помыслов. И она не пытается обольщать мужчин. А когда её муж проявляет страсть, то она уступает и распаляет мужа любовью. Не донимает мужа попрёками, помогает в делах его. Если муж её в скорби либо в печали, то и супруга не веселится, но разделяет общие беды и, успокоив мужа заботой, близит час радости. И она не пойдёт на связь с посторонним, пусть воздержание в силах даже убить её. Наготу она прячет от посторонних; а подбирая дома наряды, тем озабочена, дабы муж не увидел женские слабости, что ему огорчительны. Она пользует благовония и сурьму, чистит зубы суаком[22].

Знай, визирь: вот такая супруга мужа порадует.

О Дорéраме, негре

[22] То есть корой орехового дерева, очищающей зубы, окрашивающей губы и дёсны.

Помнит история, и Аллах подтвердит ту истину, что однажды жил грозный славный эмир, у какого в избытке было владений, войск и союзников. Он известен был как Али бен Дира́м.

Раз, в бессоннице, он призвал к себе подданных: полководца, хаджиба-телохранителя и визиря великого. Те предстали без промедлений. Он приказал им вооружиться. Вооружившись, те вопросили, что нужно делать.

Он отвечал им:

«Сон позабыл меня. Я решил выйти в город, взяв вас с собою».

«Мы повинуемся», — поклонились сановники.

Молвив: «Ради Аллаха! С нами пребудет слово Пророка благословенного, мир ему!» — трое вместе с эмиром двинулись из дворца.

Позднее им в переулке встретился некто, павший на землю и причитавший: «Нет справедливости! Кто расскажет эмиру, что совершается в нашем городе? — Он стенал и твердил: — Под небом нет справедливости! Мир погряз в преступлениях!»

И правитель велел троим: «Приведите ко мне его, не пугая». Те устремились к некто немедля.

«Встань без боязни, следуй за нами; верь, что дурного не приключится».

Но человек ответил: «Не приключится? Только, однако, вы не здоровались! А вы знаете, что приветствие верный знак миролюбия и приязни для правоверного? Если кто не приветствует правоверного, есть причина для страха».

Он зашагал к эмиру.

Тот ожидал его, лик скрыв хайком[23], или накидкой.

Тихо приблизившись, человек произнёс: «Приветствую, господин!»

Эмир ему отвечал: «Приветствую, господин!»

Тот молвил: «Ты сказал: господин?»

Эмир: «И ты сказал: господин».

«Сказал я, ибо не знаю, как тебя звать, почтенный».

«Но ведь и я не знаю, как тебя звать. — Затем эмир вопросил: — Что значит фраза: „Под небом нет справедливости! Кто расскажет эмиру, что совершается в нашем городе?“ Расскажи нам, что приключилось».

«Тайну открою только тому, кто вздумает отомстить врагу за мои унижения, если будет угодно Богу Всевышнему!»

И правитель изрёк:

«Я послан Аллахом для избавления обездоленных от обид».

«Так слушай, ибо открою невероятное. Я влюбился в красавицу, что влюбилась меня, и мы были взаимны с ней. Наша связь продолжалась; только однажды старая ведьма околдовала эту любовь мою и отправила в дом порока. Сон позабыл меня; я лишился всех радостей, погрузился в омут невзгод!»

Эмир ему: «Где то место порока? С кем твоя женщина?»

Человек отвечал в слезах:

«С гнусным негром Доре́рамом, что собрал у себя прекраснейших, как луна в полнолунье, женщин, коим подобных мало даже средь жён эмира! Хоть негр и раб всего, но его госпожа отдаёт ему всё, что хочет он, из нарядов, вин, украшений». — И человек замолчал в тоске.

Повелитель нахмурился. А великий визирь вдруг понял, что негр Доре́рам — раб его и жена его полюбила, вышло, невольника.

И эмир велел показать дом блуда.

«Если я покажу, что сделаешь?» — вопросил человек.

«Увидишь», — бросил эмир.

---

[23] Хайк — род накидки, которой арабы покрывают голову и лицо.

«Едва ли. Дом тот внушает людям почтение. Возжелаешь войти в дом силой — можешь погибнуть, так как хозяин славится храбростью и влиянием».

«Покажи тот дом, — настоял эмир. — И не бойся».

«Да. Как угодно будет Аллаху!» — вымолвил человек, направившись ко дворцу, окружённому неприступной стеной. Проблемно было взобраться. Недосягаем был тот дворец; казалось, он точно прятался под щитом.

Эмир спросил человека:

«Как же нам звать тебя?»

«Звать Омар бен Исад».

«Готов, Омар?»

«Да. Во славу Аллаха Непобедимого! Пусть Аллах не оставит нас!»

И эмир обратился к спутникам:

«Кто из вас одолеет стену?»

«Это немыслимо! — был ответ ему. — Ведь стена неприступная!»

И эмир: «Коль угодно будет Всевышнему, я вскарабкаюсь, но посредством трюка и при содействии вашей помощи. Кто из вас самый сильный?»

«Военачальник стражи твоей, владыка».

«И кто потом?»

«Твой верный телохранитель».

«И наконец?»

«Визирь великий, о, господин!»

Омар притихнул. Ибо он понял, что перед ним — эмир.

«Я раб твой, — он произнёс. — Приказывай».

«Вижу, ты догадался, кто мы. Не раскрывай же тайны, дабы вина твоя извинилась».

«Я повинуюсь!» — проговорил Омар.

И эмир обернулся к военачальнику:

«Стань к стене, упираясь в стену руками, и подставляй нам спину».

Телохранителю был такой приказ: «На него влезай».

Тот устроил так; а великий визирь затем влез на плечи последнего.

И эмир велел:

«Ты, Омар, поднимись на них».

Поражённый, тот произнёс:

«Велик Аллах!»

И взобрался.

Сам эмир, восклицая: «Слава Аллаху! Слава Пророку! Благость и милость ему Всевышнего!» — живо влез на них, а затем на стену. Там он, велев им: «Разъединитесь», — начал гадать, как слезть. Стащив тюрбан со своей головы, встряхнув тюрбан, он вмиг его размотал и, как по верёвке, сполз во двор со стены. Опробовав дверь железных ворот, он понял: та под замками. Он прошептал себе: «Положение сложное, но так нужно Аллаху: Он дал мне силу, сообразительность, дабы я смог попасть сюда. Он подскажет мне способ выйти к товарищам».

Обходя дворец, он нашёл в нём много строений, с пологами над входом и облицованных в разных стилях. К пологу одного из них подвели ступени; слышались голоса и пение. Он бесшумно пошёл вовнутрь, говоря себе: «Кто покорен Аллаху — тот одолеет!» — и заглянул в зал, светлый от плошек, от канделябров и от свечей, бывших в многих подсвечниках. Там струились фонтаны пряными струями. Музыканты пели. Скатерть уставлена была яствами и напитками. Золочёная мебель ярко сияла в свете светильников.

Подле скатерти были дюжина девушек и семь женщин, луноподобных и солнцеликих. С ними сидели семеро негров. Взоры эмира обворожила некая дама, дивная, черноокая, со щеками карминными, также с талией гибкой, тонкой, изящной. Дама та чаровала всех.

Покорён её прелестью, повелитель застыл, а потом прошептал себе: «Как теперь мне уйти? О, душа моя! Не ступи на дорогу любви, прошу!»

И, пока он раздумывал, как ему удалиться, пьяная ключница изрекла служанке:

«Эй! Следуй с лампой, дабы добраться нам до покоев».

Юркнув за ними, он, как только обе вышли омыться, спрятался рядом.

Те воротились, заперли двери, и, обнажившись, стали ласкать друг друга. После заснули. Сам эмир, тоже быстро раздевшись, лёг меж обоих. Так как он помнил их имена, шепнул одной: «Ты куда положила ключ от дверей?»

«Спи, дура, ибо ключи где надо», — было ответом.

Вновь эмир попросил ключи:

«Скоро будет рассвет; должна отпереть дверь. Где ключи?»

«Где обычно. Что пристаёшь ко мне?»

Но он начал опять:

«Такая-то...»

Та ответила: «Что тебе?»

«Где ключи?»

«Дрянь! Вульве твоей неймётся?! Что же, валяй, тварь, к негру, ибо ключи как раз у него. Скажи ему не „отдай ключи“. Скажи — „дай уд“… Отправляйся к Дорéраму, похотливая сука!»

Переодевшись, скрыв себя под вуалью, он поспешил к пирующим. Все сочли его женщиной, в одеяньях которой был эмир, и Дорéрам сказал:

«Такая-то! Обнажись и иди на ложе. Жди, я приду к тебе».

И эмир прошептал: «Нет силы, кроме как у Всевышнего!» Он искал ключи в одеяньях негра, вышедшего раздевшись, но не нашёл их. Вдруг он увидел мелкую нишу, где находилась связка ключей, и, радуясь, вскрикнул: «Слава Аллаху!» После, представившись, что желает рыгнуть, направился прочь из зала. Негр прокричал вдогонку: «Дьявол возьми тебя! Приходи быстрей!»

Но эмир миновал сад, отпер ворота в крепкой стене и выбрался к ожидающим спутникам:

«Да проследуем в дом с молитвой!»

Пятеро двинулись, приготовясь к опасностям, ибо в доме были семеро негров.

Прежде в покоях двух лесбиянок славный правитель переоделся в прежний наряд свой. И, после этого, группа стала за пологом, ведшим в зал, где при многих светильниках и фонтане быть имел шумный пир. С ложа слез негр Дорéрам с некой из женщин. Сразу на ложе влез негр второй с партнёршей. Пара за парой, негры объездили там всех женщин, кроме прекраснейшей, как луна в полнолунье, женщины и двенадцати девушек.

Обнажённые опьянелые негры не унимались и домогались той поразительной, как луна в полнолунье, дамы, коя отказывала твердя:

«Тщетно. Я не отдамся вам».

К ней метнулся Дорéрам, выставив мощный уд, коим бил её по щекам, вопя:

«Я шесть раз подступал к тебе, и шесть раз уступал тебе! Но сейчас я возьму тебя!»

Та увидела, до чего негр пьян, и надумала укротить его, говоря:

«Погоди чуть-чуть, а потом утолишь свой пыл. Прочитаю стихи».

Негр сел, и его уд встал колонной.

Женщина всей душой и всем сердцем спела:

С юношей я слюбляюсь,
в нём мои упованья;
уд его непреклонный
куполом знойно-жарким
смёл моё девство дерзко!

Мощный, первый из первых,
годный на труд всечасно,
в близости он бессытен.
С песней входит он в вульву,
струи льёт мне на лоно,
бодрствует неизменно
и побеждает усталь.
Та не рождалась в мире,
что его спад увидит!
Полон чувственным пылом,
ломится он в вагину,
действуя неослабно
с заду вперёд и всюду.
То входит махом резким,
то лишь скребётся в двери.
Схватку он начинает,
храбро бросаясь в битву;
тиская мои перси,
жадно впиваясь в губы,
мечет меня на ложе;
в дланях его я щепка!
Страстно меня кусает,
ласки мне учиняет.
Видя, что я пылаю,
к бёдрам моим стремится,
дрот свой кладёт мне в руку,
дабы в себя стучалась…
Вот он в пещере неги…
С ним мы, теряя разум,
пылко оба трудимся!
Он мне: «Приветствуй влагу!»
Я отвечаю: «Милый,
щедро дарящий мёдом!
Жизнь моих чресл! Старайся!
Не торопись исторгнуть!
Минет сей день в блаженствах!»
И, труд любви продолжив,
делает он, что хочет,
в ласках моих и в стонах.

Дама закончила сладострастное чтение.

А эмир произнёс: «До чего обольстительной создана она!» Обернувшись вновь к спутникам, он сказал: «Несомненно, у женщины сей нет мужа; и непорочна она воистину, ибо негр домогается, а она не даётся».

«Истинно! — согласился Омар. — Ибо муж её год в отъезде. Мнят совратить её, но она упряма и добродетельна».

«Кто супруг её?» — продолжал эмир.

«Сын визиря отца твоего, да пребудет с ним мир!»

Повелитель изрёк для всех: «Несмотря ни на что, я решил обладать сей женщиной, — а затем он спросил Омара: — Здесь твоя госпожа?»

Тот молвил:

«Не замечаю, славный владыка».

Тот подытожил: «Скоро увидишь». После опять спросил: «Негр, что к ней пристаёт, — Дорéрам?»

«Да. И к тому же это мой раб, — признался визирь великий. — Я зарублю его!»

«Стой! Не время нам разговаривать», — оборвал эмир.

И пока они объяснялись так, укрываясь за пологом, негр Дорéрам вскричал:

«Я устал от твоей болтовни, Бадр аль-Бадр[24]», — ибо женщину звали так.

И, желая склонить её, он хлестнул её по лицу.

Преисполненный ревностью, достославный эмир поднял взгляд на визиря великого и сказал:

«Что творит подлый раб?! О, Аллах! Он умрёт смертью погани!»

Бадр аль-Бадр изрекла Дорéраму:

«Предаёшь господина вместе с женою его? Ведь она влюблена в тебя, ну, а ты домогаешься прочих. Ты предаёшь её», — повторила красавица.

И эмир удержал визиря великого, каковой было кинуться убивать раба:

«Преисполнись терпения».

Бадр аль-Бадр прочитала стихи:

Знай о женщине правду:
взор её блудом блещет;
клятвам не верь ты женским,
пусть она и эмирша.
Гнев её сам властитель
немощен урезонить.
Женской любви ты бойся.
Мнишь, что любим ты ею?
мнишь, что она надёжна?
Лучше моя речь ложью
стала бы — но увы вам!
Ею любим ты ночью;
эта любовь нестойка;
ты, грудь ей мнущий, — мил ей;
с удом в вагине — нужен.
То есть пока вы слиты,
ты ей дороже злата.
Но, коль поднялся с ложа —
ты ей уже чужанин.
Правда моя бесспорна:
жёны на мужнем ложе
примут раба охотно;
раб утолит их похоть.
Всё это — богомерзко.
Женский характер лживый.
Жаль наивного мужа:

[24] Круглейшая-Из-Круглейших-Лун (араб.).

умный жене не верит.

Тихо великий визирь плакал.
А негр Доре́рам начал стихами:

Неграм хватает женщин,
нам не страшны их козни.
Все нам вверяют дом свой[25],
ибо для всех мы стадо,
скот, и ничуть не люди.
Бабы! Вас не удержишь,
если вы уд взалкали!
В нём ваша жизнь и радость,
в нём конец и начало.
Гнев ваш любой на мужа
тушит уда вторженье.
Вера у вас — в вагине,
ваши потребы — в уде.
Вот ваш характер, суки!

Кончив, он вдруг набросился на прекрасную женщину.

И эмир впал в ярость. Он, обнажив меч, ринулся в помещение. Засверкали мечи. Некий негр побежал к эмиру; телохранитель предупредил его отсёк ему голову. И эмир прокричал:

«Аллах вознесёт тебя! Длань твоя не ослабла; мать твоя родила не тряпку! Бей врагов, отдохнёшь ты в Джа́ннате!»

[25] Стихи знаменуют тот факт, что домашние негры-прислуга считались животными; им, как не могущим вызывать человеческие эмоции, дозволялось приближаться к мусульманским женщинам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.